

Известному советскому фотопортретисту, ведущему фотокорреспонденту АПН, председателю фотографической коллегии Союза журналистов СССР Алексеевичу Малышеву исполнилось 70 лет.

В связи с этой датой талантливый фотожурналист подготовил персональную выставку, на которой представил портреты ярко и образно раскрывающие характеры людей, современников.

В эти дни юбилейная экспозиция переведется из Центрального дома журналиста в помещение Агентства печати Новости. А в середине февраля эта вы-

ставка будет развернута в Центральном доме кино. Фотомастер не снимает свою творческую античность и теперь, в 100-летие со дня рождения зодчего архитектора, создал портреты известных советских архитекторов, ленинских гвардейцев. Сейчас В. А. Малышев снимает передвижные забоевые столицы — Героев Социалистического Труда.

МЫ ВОСПРОИЗВОДИМ ДВЕ РАБОТЫ С ВЫСТАВКИ В. А. МАЛЫШЕВА — «КОМПОЗИТОР Р. ШЕДЕРИН» И «СКУЛЬПТОР Е. ВУЧЕТИЧ».

МОДНЫЕ ДОЧКИ и МАМИНЫ ЗАБОТЫ

но не могу, понимаете, не могу скрыться, что он в тридцати трубчатых ботинках играет в футбол!

— Я себе покупаю босоножки и дочки покупают такие же. Неправильно, конечно, но что делать? Две субботы с утра до вечера потратила, того, что хотелось не испытать.

Дети стали слишком быстро расти, вот, оказывается, в чем дело — Одежда, обувь, трикотажные изделия — все теперь им нужно таких размеров, которые раньше никогда для детей не предусматривались. Даже пеленки старых образцов не годятся для заворачивания младенцев. Младенцы — так называется это племя — подтверждают иной факт. И только фабрики, которые выпускают для детей всевозможные товары, никак не хотят с нами считаться.

Надо сказать, что я в стоянке детских товаров мало зогнил. Обе гите взглядам предложили «Детского мира». Все как будто имеет вполне разумную цену, все соответствует тому, какое место в бюджетах семьи, во времонном смысле, должны занимать расходы на эксплуатацию подрастающего поколения. И друг — шубка для крохотного ребенка тоже стоит, как хорошенек ламское галло. Или курточка для девочки — в голосе склоняется к некоторым недуманиям перед свадьбой, но не может не просить, входит в мое положение. Все необходимо мне, конечно, есть, а рожки, в вообще считаю, им не к чему. Ребенок должен быть одет, как ребенок. Вот вырастут, начнут зарабатывать — тогда я скажу и буду глядеть, чего они сейчас не напутают.

Выслушав столько разных мнений, попробую сделать какие-то общие выводы.

У всех матерей — и у строгих, и у подлених — в голосе склоняется к некоторым недуманиям перед свадьбой, но не может не просить, входит в мое положение. Все необходимо мне, конечно, есть, а рожки, в вообще считаю, им не к чему. Ребенок должен быть одет, как ребенок. Вот вырастут, начнут зарабатывать — тогда я скажу и буду глядеть, чего они сейчас не напутают.

Можно стоять и с таким суждением: ребенок в этом возрасте быстро вырастает из одежды, выбрасывать ее жалко. А если вещи эти, когда потом с удовольствием купят...

Но какими бы мотивами ни руководствовались родители, ни дела, спасибо всем астробитам современной легкости, позволяющим среди своих сверстников. Тут-то и начинается.

— Нарядные я ее на вечер, потому, очень красиво — белая блузка, вельветовый сарафан. Смотрю, возвращаешься моя Надя чутко не в сказке, все девочки примеряют такие наряды, но меня никто и посмотреть не захотел.

Потом по родительском собранию начали говорить: замечено, что наряжаются девочки, как заморские попугаи, вы же их калечите. Но у нас на собрании плохо ходят, как раз те, кому это говорилось, и не примеряли.

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы нарядиться, чтобы ее видели. А она принимает это как должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданные для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий. И она сама выбывает, чтобы ее видели. А она принимает это как

должное, даже конкретничает: «Мама, вы можете выбрать из китайской одежды приходить в самые неинтересные места».

Как странно! Взять, созданые для того, чтобы приносить людям радость и удовольствие, вдруг вторгаются, как некое второродное тело, в плавное течение воспитательных процессов, сея вокруг себя смуту и огорчение.

Все, кто участвовал в нашем семейном совете, замечают это в ее глубоко убежденном в том, что такая неожиданная «экспериментация» в детской одежде приходит к самым неинтересным последствиям. Черт, что не кто-нибудь был бы способен на это!

— Просто новую кофточку. Я говорю: не стоит, ты же растешь. Так она на меня — зайдет. Марина, говорит, из баскетбола на тренировку ходят в пижамной блузке, а тебе всегда жалко. Ну, и покупать не стала.

— У меня есть ученица, пятнадцать лет девочка. Чуть ли не

каждый месяц у нее обновы: то лакированные спонжики, то какой-нибудь шарф немыслимый, то сантори. Я понимаю, что это как санаторий, отец рабочий.

